

Я не был первым, но я единственный, кто выжил. Один из многих «Адамов», созданных в лаборатории. Я и мои предшественники были результатом редактирования и манипуляции генами, целью которых было создание «идеального» человека. Мы созданы, чтобы быть быстрее, умнее, выше и сильнее. Все чувства были обострены, эмоции взяты под контроль и направлены на обучение и выполнение приказов. Потому что мы не заменяли обычных людей. Нас создавали, чтобы убивать обычных людей. ЦРИСПР использовался в операции, которую я слышал под названием «Операция: Сикариус». Десять лет я жил в лаборатории или «доме», как меня заставили это называть. Но по мере того, как я узнавал все больше и больше о внешнем мире в ходе обучения и учебы, я понял, что это своего рода тактика промывания мозгов. По той же причине они заставили меня позвонить главным исследователям: Мать и Отец. Хотя я узнал, что это не было полной ложью, меня привели в этот мир, где их ДНК была основой до редактирования. Поначалу меня вполне устраивали возложенные на меня ожидания. Ко мне относились благосклонно, потому что я был единственным Адамом, пережившим младенчество. Я хотел выполнить задачу, для которой меня создали Мать и Отец. Однако, когда я узнал больше о нормальной жизни людей, о настоящей семейной динамике, я начал сомневаться в этом. Меня научили приспособляться к любому образу жизни. У меня были знания по многим предметам и я уже знал несколько языков. – Дети обладают самой высокой восприимчивостью к знаниям по сравнению со взрослыми. – Это то, что они всегда говорили мне. Однако они не учли один фактор — любопытство. Или, может быть, они это сделали, но, вероятно, никогда не учитывали отрицательный аспект этого. Потому что теперь я знал, что больше не хочу быть просто убийцей. Вся моя цель — быть хладнокровным убийцей. Именно поэтому на свой 10-й день рождения я, наконец, решил, что хватит, и во время обычной тренировки с клинком «поскользнулся». Они привозили заключенных, приговоренных к смертной казни, или убийц со всего мира, чтобы я дрался и привыкал к убийствам. Конечно, у них были превентивные меры, чтобы убедиться, что они меня не убьют, но это не включало предотвращение моего самоубийства. Я тоже думал, что мне это удалось, но только что открыл глаза и увидел больничную палату. Ничего похожего на лазарет лаборатории. Оглядевшись, я на мгновение удивился всему окружающему меня устаревшему оборудованию. В лаборатории были совершенно новые технологии, некоторые из которых еще даже не были доступны широкой публике, но увидеть все это... Я все еще был в своей тренировочной одежде: черном облегающем комбинезоне, серых свободных брюках и серой футболке. Рукава черного костюма доходили до запястий. Я спустила ноги с края кровати и бесшумно сползла на пол. У меня не было обуви, и я встретил кафельный пол с приятной нейтральной температурой. В моем теле ничего не было неприятного, но просто чтобы убедиться, я прошлепал в ванную, которая находилась в противоположной стороне комнаты от кровати. Тишина была ключевой частью обучения, а оставаться незамеченным в незнакомой обстановке было стандартом. Повернувшись к зеркалу в ванной, я почувствовал, как напряжение, охватившее мое тело, ушло, когда я увидел свои знакомые черные волосы и серые глаза. Мои волосы были коротко острижены, чтобы во время драки их было нелегко схватить. А серость моих глаз возникла из-за редактирования генов. Светлые глаза, такие как голубые, поглощают больше солнечного света и делают глаза чувствительными, что приводит к необходимости щуриться. Серый нейтрален и позволяет моим глазам гораздо легче выдерживать яркость, чем другим. Я был выше среднего 10-летнего ребенка, ростом 5 футов, и сильнее, чем, вероятно, все они. Я больше походил на 13-летнего подростка, если бы не более молодые черты лица. Когда я проверял воду в раковине, я услышал грохот снаружи своей комнаты. Далее последовали крики о помощи от пожилого мужчины. Выключив кран, я подхожу к двери и слышу, как он снова зовет медсестру. Неужели рядом не было медсестер, которые могли бы ему помочь? Я заметил, что в здании было тихо, если не сказать тихо, но я никогда не выходил за пределы Лаборатории. Я начинал думать, что внешний мир тих, но теперь понимаю, насколько я ошибался. Единственное, что я смог достаточно быстро разглядеть из оружия, — это ручка и планшет. Это было немного, но я решил, что на данный момент этого будет достаточно.

Подойдя к двери, я начал замечать жуткую вонь, затхлый аромат смерти и разложения, витающий прямо с другой стороны. Хотя я не чувствовал запаха свежей крови, вся она определенно была старше. Не имея ни смазки, ни масла, я ничего не мог сделать, чтобы предотвратить скрип дверных петель, когда я выглянул наружу. Не желая поднимать еще больше шума, я протиснулся в щель, как только не увидел ничего похожего на угрозу. Хотя меня удивил беспорядок в коридоре. Медицинское оборудование и бумаги были разбросаны по полу, и я начал понимать свою ситуацию. Похоже, произошла какая-то битва или стычка если не внутри больницы, то уж точно за ее пределами. Я слышал, как в комнате слева от меня работает кран, и проклинал себя за то, что оказался настолько слаб, что издал такой шум, не удостоверившись, что это безопасно. В этой комнате, из которой доносился шум, дверь блокировала каталка, хотя дверь открывалась внутрь комнаты, поэтому я не уверен, какая польза от такой вещи. В лучшем случае небольшое неудобство. Раковина была выключена, и я слышал шлепанье босых ног по плитке, когда тот, кто был с другой стороны, пробирался к двери. Заглушив голос, я услышал, что это, скорее всего, мужчина, поэтому отступил к двери на противоположной стороне и держал загон за спиной. Вероятно, я был более опытным бойцом, и, судя по звуку его шагов, он казался чем-то ослабленным. Но я был не из тех, кто позволил уверенности в своих способностях превратиться в высокомерие, которое меня убивает. Дверь скрипнула так же, как и моя, и я столкнулся лицом к лицу с лохматым бородатым мужчиной в больничном халате, который распахнулся спереди, обнажая его перевязанный торс и боксеры. Он сделал паузу и, казалось, удивился, увидев меня, и мягко улыбнулся, поморщившись, когда поднял левую руку, чтобы помахать рукой. – Привет, малыш. Вы знаете, что происходит? Я только что проснулся. – Он говорил с акцентом, в котором я узнал южноамериканский. Судя по выражению его лица и поведению, я мог сказать, что он был искренен. Казалось, все в нем говорило, что он хороший человек. Поведение было одной из областей, которым мне тоже пришлось учиться. – Ты не извращенец какой-то? – решил я спросить, указывая глазами на состояние его одежды. Его рот раскрылся и покачался вверх и вниз, прежде чем, наконец, затянуть халат на своем теле и завязать его. – Нет? Меня зовут Рик Граймс, я заместитель шерифа округа Кингс. – Он сказал. – Округ Кингс? – Я спросил. Я не знал каждый округ каждого города. Я знал округа крупнейших городов США, но знать их все по каждому штату было нереально. – Округ Кингс, Джорджия. Если это поможет, то немного к юго-западу от Атланты. Я, очевидно, знал об Атланте, там располагался Центр по контролю и профилактике заболеваний (ЦДЦ). Но насколько я понял, Лаборатория находилась на острове у побережья Флориды. Сейчас я умирал в тренировочном зале, находясь за сотни миль отсюда, и просыпался в заброшенной больнице. – Да, так и есть. – сказал я, продолжая думать. – Так ты знаешь, что происходит? – спросил он, указывая на состояние коридора. Я покачал головой. – Нет, я тоже только что проснулся. Я имею в виду, что даже не знал, что нахожусь в округе Кингс. – Я сказал. – Я понимаю. Что ж, возможно, тогда мы сможем помочь друг другу. Мы сможем выбраться отсюда и, возможно, найдём твоих родителей. – сказал Рик, пытаясь меня утешить. – Я бы не предпочел. Мать и отец не хорошие люди. – ответил я, и Рик, похоже, понял это больше, чем я предполагал. Судя по тому, как он сжал челюсти, он, должно быть, подумал, что они оскорбляют. Думаю, так оно и было, особенно по сравнению с обычной семейной жизнью. – Ну, мы ничего не придумаем, оставаясь здесь. – Рик сменил тему и поморщился, слишком быстро повернувшись из стороны в сторону. Я чувствовал запах его раны сквозь запах его тела. Сначала я не мог этого заметить из-за всех остальных запахов, которые подавляли его, но теперь это было очевидно. – Нам нужно найти кое-какие припасы и обработать твою рану. – Рик, кажется, согласился, кивнув, идя вперед. Все комнаты находились в таком же состоянии, как и предыдущие, почти все занято. В конце коридора находилась еще запертая кладовая. – Ну что поделаешь. Нам придется найти кое-какие припасы в другом месте. – Рик вздохнул, но я заметил письменный стол. По статистике, медсестрами, скорее всего, были женщины, а это означает, что их волосы заколки для волос. – Пока не сдавайся, Рик. – Я улыбнулась и начала копать в бумагах и хламе, прежде чем наконец была вознаграждена.

Рик с любопытством наблюдал за мной, пока я присел перед дверью, сломал штифт на изгибе и вставил его в замок. Я был рад старому стилю этой больницы, это было намного проще, чем то, чему меня учили.- Я знаю, что так делают в кино, но дело не в этом... - предложение Рика было прервано щелчком, когда замок щелкнул, и поворотом ручки дверь со скрипом открылась.- Это было легко. - Я улыбнулся, повернувшись к Рику.- Малыш, ты кто? - Он спросил.- Адам. Мне было интересно, когда ты спросишь. - Я не совсем это имел в виду, но приятно познакомиться, Адам. Почему ты знаешь, как это сделать? - спросил Рик.- Отец сказал, что это очень полезный навык. - Я пожал плечами, входя в кладовую. Рик ничего не сказал, и я больше ничего не сказал. Я просто схватил все необходимое для его раны и попросил его взять каталку из коридора. Стянув левую сторону его платья, я развернула старую обертку и поморщилась от запаха. Душ обязательно когда-нибудь понадобится. Как долго этот парень спал здесь?

<http://tl.rulate.ru/book/109314/4088672>